

Богдан ГОЛИК

Лемковщина, которой нет

На Лемковщине, в моем родном селе Лупков, я в последний раз был в 1943 г., когда мне было 9 лет. Мои воспоминания основаны на том, что наблюдал я сам, и том, о чем мне рассказывали родители, старшие сестры, земляки.

Село Лупков находилось на самой границе Польши и Словакии, у знаменитого Лупковского перевала, названного так по имени села. Я пишу «находилось», так как в настоящее время, как мне рассказывали люди, побывавшие в нем в 70-80-х гг. прошлого века, от села осталось только несколько зданий да железнодорожная станция. А вокруг территория покрыта зарослями кустарника, только кое-где можно обнаружить в них места, где когда-то были жилые дома. Такая страшная картина возникла после насильственной депортации лемков, проведенной польскими властями в 1946 г. и названной «Операция «Висла»».

Жить лемкам и прежде было нелегко. Поколение за поколением они вели тяжелую борьбу за выживание. Лемковщина, особенно та часть, где находилось наше село, довольно высокогорная местность, и возделывали землю только на сравнительно ровных участках между горами и на более-менее пологих склонах гор. Земля там бедная, и, чтобы росли в тех местах самые нетребовательные культурные растения, нужно было усиленно удобрять почвы. Сажали и сеяли в основном картошку, овес, ячмень, рожь, лен и только на особенно урожайных участках - пшеницу. Зато у всех было много скота, особенно лошадей и коров.

На Лемковщине уже к середине XIX в. почти вся земля была освоена, и делить ее во многих случаях больше не было возможности. А семьи на Лемковщине были, как правило, многодетные, земли не хватало, и из сыновей часто только старший мог, унаследовав отцовский надел, остаться в селе. Очень многие лемки ежегодно уезжали из страны, как в це-

лях поиска работы, так и на постоянное место жительства. Особенно часто уезжали в США и Канаду. Возвращались в Лупков, как правило, те, кто за границей заработал достаточно денег, чтобы купить землю и постройиться.

Мой отец, родившийся в 1886 г., и мать, 1895 г. р., выросли еще в курных хатах, при свете лучины, ходили в домотканой одежде. Одежда у моих односельчан, особенно женская, была красивая и очень своеобразная, только лемкам присущая. Но она включала и элементы польской, венгерской и словацкой национальной одежды. Поскольку одежда была из домотканого полотна, то его требовалось много и, соответственно, очень много пряжи. Поэтому женщины в зимний период пряли до изнеможения. Поскольку у пожилых женщин от постоянной тяжелой работы и прядения руки слушались уже плохо, прядением больше всего приходилось заниматься невесткам. Рассказывают, что сына, который должен был остаться на хозяйстве, родители понуждали жениться именно для этого.

Девушки, которые любили прясть и умели это хорошо делать, были желанными невестками. Моя мать вышла замуж в 16 лет, и ее тут же заставили прясть. Мне она как-то рассказала, что один раз за прядением она то ли уснула, то ли потеряла сознание и упала со скамейки на пол. Свекровь привела ее в чувство и опять засадила за работу.

Европейскую известность мои родные места получили в годы первой мировой войны, в период боев на Лупковском перевале. Из событий того времени мне запомнились рассказы матери. Летом 1916 г., после Брусиловского прорыва, русские войска, нанеся сокрушительное поражение австрийской армии в Восточной Галиции, развили наступление и дошли до Лупковского перевала. Здесь, в горах, австрийцы успели создать сильно укрепленную линию обороны и остановили наступление русских войск. Прямо за нашим селом образовалась линия фронта, и большинство жителей бежали в другие места.

Отец, призванный в австрийскую армию, к этому времени уже находился в плену в Сибири. Не желая воевать против России, он ушел из своей части в расположение русских войск. Когда село заняли русские, мать была беременна и эвакуи-

роваться не смогла, осталась дома одна с трехлетним сыном. Когда у нее начались роды, их принял у нее русский военфельдшер или врач. Мать помнила только, что один из военных ее очень часто посещал, приносил какие-то лекарства, что-нибудь поест и успокаивал ее. Почти никакого языкового барьера между солдатами и местными жителями не было.

Лемковский диалект был настолько же близок к разговорному русскому языку, как и к формировавшемуся литературному украинскому. Во всяком случае, моя мать и крестьяне свободно общались с русскими. Солдаты относились к ней очень дружелюбно. Мой старший брат Михаил, которому было тогда три года, ходил среди них в длинной рубашечке и, подогнув ее низ, просил, чтобы они что-нибудь дали матери. У солдат из лакомств был только кусковой сахар, и они быстро наполняли им его рубашонку. Он приносил его матери и высыпал у ее изголовья.

По рассказам сельчан и матери, русские несколько раз ходили в атаку, пытаясь в рукопашной схватке выбить австрийцев из окопов, но каждый раз неудачно. Уходя из Лупкова, русские оставили матери немного продуктов и сахара.

С русскими войсками ушли и некоторые сельчане. Ушел с ними и мой дядя, брат отца. В целом, как с Лемковщины, так и из Галиции с отступающей русской армией ушло значительная часть населения. По некоторым данным, это были десятки тысяч, по другим - около 200 тысяч, точно никто не знает. Многие уходили целыми семьями, забирая с собой домашнее имущество, угоняя скот. Те, кто остался в родных местах, когда возвратились австрийцы, сильно пострадали. За годы войны австрийцы уничтожили в тюрьмах, лагерях, просто расстреляли около 100 тысяч русинов. Очень много русинов-солдат австрийской армии было казнено за попытки перейти на сторону русских войск, за дезертирство, за симуляцию различных болезней. По рассказам односельчан, провинившимся солдатам-русинам связывали за спиной руки и подвешивали за них на деревья. Лупковский священник по фамилии Грабец, человек для своего времени очень образованный, был заключен в страшный лагерь Талергоф.

По количеству русинов, в том числе лемков, бежавших с российской армией, по числу арестованных и казненных моих земляков мы можем судить о их национальном самосознании и государственной ориентации. Убедившись, что воевать против русских русины не хотят, австрийское командование направило их на итальянский фронт. Там противник был другой, но русины не желали защищать Австро-Венгрию и также сдавались в плен. Среди них были люди, которые уже тогда называли себя украинцами. В плену украинцы испытывали некоторые неудобства потому, что итальянские власти отказывались их записывать украинцами, мотивируя это тем, что не знают такой нации. Пленного спрашивали, откуда он родом, и если тот говорил, что из Галиции, его записывали «галичанин».

Вспоминать эти и последующие события тяжело, но это необходимо делать для того, чтобы понять, кем же были наши деды и прадеды и, следовательно, кто такие мы сами. Священник Грабец выжил в лагере Талергоф, возвратился в Лупков и многое рассказывал о пережитом. У него сохранилась с довоенных времен довольно хорошая библиотека, и он давал читать книги всем, кто желал читать. В те времена сельский священник очень часто был больше, чем церковнослужитель, он был и просветитель, и советчик, а то и защитник безграмотных или малограмотных крестьян. Таким был и священник Грабец. К нему приходили за советом и помощью не только жители нашего села, но и многих близлежащих. У него на всех хватало терпения, выдержки. Он всем старался помочь, чем мог.

Но времена были сложные. После первой мировой войны Лемковщина оказалась в составе Польши. Поляки - и польские власти, и польская интеллигенция - утверждали, что лемки - это поляки, а участники украинского национального движения утверждали, что лемки - украинцы. Сами лемки, как и их деды и прадеды, называли себя руснаками и не желали менять свою национальную принадлежность. Конечно, рассуждая об этом, крестьяне во многом ориентировались на мнение священника, человека не просто грамотного, но образованного.

Отец Грабец был убежденным русином, и своего национального сознания не скрывал. Этим он вызвал ненависть к себе и у польских, и у украинских националистов. Морозным осенним вечером 1926 г., когда он возвращался из соседнего села, на него внезапно напали неизвестные, набросили ему на голову мешок, избили и бросили в ледяную речку. После этого он умер. Но о нем очень долго помнили в наших краях. Память о таком человеке, как о Грабце, стоило бы увековечить.

Времена второй мировой войны моим односельчанам запомнились событиями, связанными с Лупковским железнодорожным тоннелем. Этот тоннель проходит под Лупковским перевалом недалеко от нашего села. То ли в конце первой мировой войны, то ли в начале второй тоннель был взорван. Уже в 1943 г. немцы поняли, что этот тоннель может им пригодиться для пропуска отступающих немецких войск, и начали его восстанавливать. Работы велись около двух лет, туннель восстановили, когда фронт уже вплотную подошел к нашим краям. На подходах к туннелю скопилось много железнодорожных составов, но ночью появились советские самолеты и вдребезги разбомбили их и вход в туннель.

Вскоре на Лемковщину вступили советские войска, и им также понадобилось перебрасывать грузы через перевал. И русские нашли решение, вызвавшее растерянность у пленных немцев и восхищение и гордость у местного населения. Советский военный инженер за 18 дней спроектировал и построил объездной железнодорожный путь. Прошло меньше месяца, и по объездному пути пошли составы. На строительстве этого пути днем и ночью вместе с советскими солдатами трудились крестьяне окрестных сел. Они были рады, что смогли внести и свой вклад в общую борьбу с немцами.

Нужно сказать, что прокладка и постройка железных дорог в горной местности в столь короткие сроки считается очень сложным делом. Рассказывали, что удивленные проведением таких сложных работ в столь сжатые сроки словацкие и чешские инженеры специально приехали, чтобы встретиться со строителями этой объездной дороги. Но они были еще больше удивлены, когда узнали, что проектированием

пути и руководством работ занимались офицер в потертой шинели и старшина в фуфайке.

Работа на стоительстве и на железной дороге дала заработок тысячам семей. Но радость крестьян было недолгой. Вскоре советская военная администрация начала перепись населения. Ее представители наотрез отказалась признать право моих земляков называть себя русинами или руснаками. Им объясняли, что такой нации не существует. Им разрешали записаться либо поляками, либо украинцами. На просьбу записаться русскими тоже последовал отказ. Лемкам было очень трудно принять другую национальность. После долгих бесед и разъяснений их «записали» украинцами.

Но вскоре появились поляки и заявили лемкам: раз вы украинцы, то убирайтесь отсюда, с «польской» земли. Требование было настолько категоричным и подкреплялось такими действиями, что противоречить было очень опасно. Униженные, подавленные лемки оставляли свои дома, свое имущество и уезжали в неизвестность. Так закончилась история той части Лемковщины, которая перешла к Польше после второй мировой войны.